

будут человекоподобны — но полуночны и горбаты, — и будут связаны между собой, и на других будут накладывать связь клейкою мглой молчания¹, в отличие от тех форм, которые я называл правом, моралью, историей (кстати, она тоже в каком-то смысле есть изобретение, я об этом еще буду говорить) и которые предполагают, например, гласность, то есть артикулированность того пространства-времени движения, о котором я говорил в связи с «у-топосом» и тому подобным.

Вот пока я ввел восемь постулатов и одну абстракцию², то есть что-то, посредством чего мы нечто различаем и классифицируем в эмпирически наблюдаемой действительности.

ЛЕКЦИЯ 5

Чтобы продолжить дальше, я хотел бы более наглядно показать тот смысл или опыт, на основе которого была введена последняя абстракция в предшествующем разделе и который заставляет нас различать, с одной стороны, такие по определению сложные формы социальной жизни, которые являются продуктами цивилизации и изобретения, а с другой стороны, элементарные формы общественной жизни. Смысл этого различения и опыт, на котором оно покоится, следующие: грубо говоря, различение связано с преследующим меня ощущением бессилия человека в той мере, в какой он как психофизическое природное существо стоит, или остается, один на один с миром, собой и с себе подобными в той мере, в какой у него нет «приставок», то есть приставленных к нему, или вживленных в него, искусственных органов, или тех самых сложных социальных форм, которые помогают ему совершить то усилие, без которого он не может как автономный и самостоятельный субъект прожить свою жизнь, устанавливать

---

¹ Молчание-невнятица, недовоплощенные фантазмы, эмбрионы, не переходящие за порог выражения.

² К абстракции: вместимость общества (многие сами по себе не общество), онтологические абстракции порядка.

Вторая абстракция: из индивидуального строим массовое (только вот индивида иначе выделим).

отношения с миром, с существами, подобными ему, и, конечно, с самим собой. Это ощущение, которое я иногда называю ощущением «физичности» нашей жизни, какой-то «мускульности» общественной жизни: мы что-то не можем делать именно потому, что у нас нет мускулов, или, наоборот, что-то можем делать — в том числе понимать, видеть, реализовывать актом бытия и так далее, если у нас есть эти мускулы.

Представьте себе человека на митинге. Мы ведь допускаем, что митинг есть выражение мнения людей, собравшихся на митинг. Причем предполагается, что это мнение должно вырабатываться, предположим, прямо и непосредственно на месте совместной интуицией массы присутствующих людей, которые, собравшись вместе, казалось бы, тем более способны установить правду, справедливость как она есть, не проходя для этого никаких формализованных и делигированных инстанций, где их мнение кристаллизовалось бы в какой-то «дали» последовательного или пространственно разделенного ряда самих по себе действующих инстанций выработки, кристаллизации мнения и так далее. Человек здесь как бы один на один со своим пониманием, со своим собственным видением. Опыт показывает, что именно в этой ситуации он в принципе не способен узнать, что же он в действительности думает, не способен выработать собственное мнение. «Проходят» мнения каких-то причудливых агентов организации митинга вследствие создания общей ситуации, которая, оставляя человека один на один с миром без опосредований, делает его как раз беспомощным, бессильным даже в попытке узнать, что же он думает, что же он мыслит, что является истиной, что является справедливостью и так далее.

Вы знаете, техника немецких штурмовых отрядов была как раз техникой организации такого рода массовых состояний людей, в которых люди без «сложных выдумок» общественной жизни оставлены один на один с собой, и с миром, и с себе подобными. Оказывается, что при этом устанавливается не их мнение, не их волеизъявление, не правдоизъявление, или справедливоизъявление, а нечто совсем другое. У подножия статуй мыслить невозможно, хотя тебя призывают именно мыслить и выражать свое положение, интересы, требования и так далее, то есть это заранее заданное идеологическое (или мысленное) пространство, в котором при

видимой самодеятельности твоя мысль в действительности пробегает заранее заданные силовые, магнитные линии.

Так вот, то, что я называл искусственными, с одной стороны, а с другой стороны — элементарными формами, — оно, это различие, означает, что искусственные изобретения, такие как формализованное право, формализованные механизмы этики, срабатывающие независимо от того, что мы можем установить нашим умом (вернее, порывом его), предоставленным самому себе и не имеющим пространства движения и интерпретации, — это и есть мускулы, динамические схемы. Не имея их, мы не можем понимать, не можем помыслить, поступить и так далее — так же как нельзя, не имея разворот мускулатуры, поднять простейшую тяжесть с пола.

Когда отсутствуют эти мускулы, мускульные усиления, не оставляющие нас один на один с самим собой, с миром и с себе подобными, тогда и действует то, что я назвал элементарными формами социальной жизни, где могут совершаться и продолжают совершаться действия массой, инерцией, так сказать, натуральными законами, например законам выживания и отбора. Соберите людей вместе и лишите их этих мускулов, и в действие вступят законы или такие социальные отношения, которые полностью определяются борьбой за выживание, воспроизводством рода, когда, например, человеком можно и гвозди забивать; представьте себе физическую массу, когда можно расходовать человеческую силу по законам массы, можно навалиться всей оравой на одного умного и сложно организованного противника и не умением или доблестью его победить, а просто задушив своей массой, разорвать на части, как это делает толпа отравленных малолеток. Следовательно, единицы этой массы взаимозаменяемы, природа как бы продолжает действовать разбросом множества экземпляров и жертвует отдельными, не считаясь ни с какой единичностью морального лица, этой находки эволюции, этой, так сказать, ее «сильной, крупной мысли», ради того чтобы выживало и продолжалось целое. Так вот, эти взаимоотношения, эти наши сгущения, как, скажем, в очереди, или разгущения вне очереди — это все статистически описуемо и является действием элементарных форм социальной жизни.

Можно воспользоваться метафорой очереди. Чем характеризуется очередь? Тем, что в ней все друг друга ненавидят,

в то же время все связаны друг с другом, истерически сцепляются друг с другом, потому что очередь выделяет себя по отношению к остальному миру, который или в эту очередь пытается проникнуть, или от него зависит выдача того, что маячит в самой голове очереди. И в этой очереди нельзя высовываться, не надо — представьте себе зрительно — быть головой выше ее, не надо выпендриваться, нужно полностью соответствовать состояниям, которые возникают между сбившимися телами. Я однажды видел замечательную фотографию, которая зрительно закрепила во мне ощущение того общества, которым является очередь. Очередь может послужить метафорой для понимания многих вещей, которые с нами происходят, — например, зависимость друг от друга и в то же время ненависть к впереди стоящему, надежда на то, что он исчезнет и ты продвинешься вперед на один шаг; и в то же время выделение себя очередью из окружающего мира, «верность» ей и так далее. (Можете наложить на это все известные анекдоты, в которых рассказывается об очередях и о том, что бывает в начале очереди.) Это фотография известного французского фотографа Картье-Брессона — очередь в Китае конца сороковых годов¹ (совершенно фантастической силы снимок очереди: драматические лица, сплетенность — люди держались друг за друга и в то же время выталкивали друг друга, не пускали друг друга и сплелись в такую массу, что, если дать ей один маленький толчок, она вся, как один человек, колебалась и шаталась бы как на ветру).

Это метафора для понимания того, что случается тогда, когда человеческие действия не канализируются через структуры, через приставки. А когда мы без них, тогда мы соединяемся в то, что можно было бы назвать элементарными формами социальной жизни, которые начинают действовать тогда, когда из человеческого тела, из человеческого материала, из общественного тела вынуты структурирующие стержни. Вот, например, немцы такие структурирующие

---

¹ Имеется в виду фотография Картье-Брессона «Последний день раздачи золота Куоминтангом, Шанхай, 1949 год». С обесцениванием бумажных денег Куоминтанг решил выдавать по сорок граммов чистого золота на человека. В декабре в многочасовых очередях в Шанхае собрались тысячи людей. Многие были задавлены в очередях насмерть. — *Примеч. ред.*

стержни и вынимали, когда они говорили, что нам не нужно никаких представительных институтов, никакого формализованного законопорядка, а формализация означает стадиализацию, преобразовательную обращаемость, если можно так выразиться, «эскалацию» любого действия, которое по мере эскалации кристаллизуется, осмысливается, приобретает форму и так далее. «Нам не нужно ничего этого — один народ, одно государство, один фюрер».

Понятно, что физикой социальной жизни я называю эти структурирующие стержни и воспринимаю их как мускулы, которые должны быть, а могут не быть. И только посредством мускулов можно осуществить и усилие мысли, и усилие выработки собственного мнения, и усилие узнавания, а именно: что же со мной произошло, что на самом деле происходит, что на самом деле я думаю — ведь нам часто неизвестно, что мы думаем на самом деле, наш собственный опыт еще не извлечен, он ушел в то, что Пруст называл потерянным временем. А уже по текстуре романа Пруста вы можете, например, понять, насколько сложно дать снова случиться тому, что ушло в потерянное время, а в потерянное время ушла реальность. Что на самом деле я увидел, что на самом деле я пережил, что на самом деле я почувствовал, что означает пирожное «Мадлен», что означают три церковные колокольни и так далее? В данном случае мы видим просто наглядную реализацию того слова, которым я пользуюсь, — я пользуюсь словом «приставка»: роман Пруста есть как бы приставка к нему самому, изменяющаяся раковина его живого тела, через которую и собирается его жизнь, он узнает, что с ним происходило, и так далее. Это и есть мускулатура, поэтому я как раз называю физикой не элементарные формы социальной жизни, а высшие, усложненные формы, и можно даже сказать, что простые вещи могут быть получены только сложным путем, и вопреки обычному тезису, что истинное мышление всегда просто, я утверждаю, что оно сложно, и если нет этой сложности, то нет вообще ничего. Простое дано Богу, а мы, люди, обречены на сложное — если мы люди.

Я говорил, что есть редуктивные ситуации, возникающие в силу каких-то поворотов исторического развития, которые иногда предсказуемы. В истории человеческой культуры было предсказание поворота, за которым произойдет

редукция сложных форм социальной жизни (или искусственных форм социальной жизни) и разовьются и выплеснутся элементарные формы социальной жизни, которые порождают свой антропологический материал, свой тип человека¹, который я называл элементарными или зомби. Таким предсказателем был Ницше, а таким поворотом было то, что случилось в Германии и России в двадцатых—тридцатых годах. Этот случай — хороший пример редуцированной ситуации, где выплескиваются и захлестывают все остальное именно элементарные формы социальной жизни с соответствующим антропологическим типом, который частично потом получил в литературе совсем другие описания, но именно он описывался, например, у Булгакова или у Михаила Зощенко (если вы помните и любите этого писателя).

Так вот, меня сейчас интересует смысл такой редуцированной ситуации, которая волей судьбы случилась в Германии и вообще является феноменом XX века. Я говорю об этом, потому что одно из переживаний (из-за которого вообще стоит что-либо вслух говорить и думать о чем-то) нас как людей XX века — это тот факт, что на фоне истории и космоса вырисовывается особый облик особого феномена организации, или охвата, элементарных форм жизни (и порожденного ими антропологического типа человека), охвата их в рамках и системе тотального действия. Наложите на это образ хотя бы немецкой машины, и вы поймете, о чем речь. Это стоит перед нами, и в это надо всмотреться, потому что от того, всмотримся мы в это или нет (и это не в прошлом вовсе, как вы сами прекрасно знаете), от того, пойдем ли, из чего это складывается, во многом будет зависеть и то, что в дальнейшем с нами может случиться. Такого феномена (сейчас я сокращенно буду называть его системой тотального действия) предшествующая история не знала, так же как предшествующая история, за редкими и сомнительными исключениями, не знала феномена «идеологических» государств. Я употребил новый термин, потому что система тотального действия обычно выражается и через другую новинку, связанную с первой, а именно через особый род государств, идеологических государств, которые не являются государствами в тра-

---

¹ Псевдоантроп (псевдантроп).

диционном политическом смысле этого слова. Немецкое нацистское государство было явно такого особого рода.

После установления Веймарской республики в Германии — сброс, падение людей в манящую бездну, так же как хочется падать с балкона высотного дома. Явно ощущается (и совершенно независимо от суммы всех знаний, которые изложены историками и получены нами относительно этого периода) интуитивный смысл (который может быть неакадемически резюмирован) того, что случилось. Веймарская республика — усложненные формы социальной жизни, формализованная система представительной демократии — явно немцам неважно, они не могут осуществлять эту систему действием, у них нет того, что я назвал мускулами. Предшествующая история не вырабатывала их в *массе* людей, а то, что уже выработала, находилось только в тоненьком слое, под которым тлел вулкан, потому что то, что находится в тоненьком слое, как показывал Ницше, не имеет смысла¹ в той мере, в какой это не вырастает изнутри *каждого*. Не имеет смысла христианство, не имеет смысла право, не имеют смысла все эти учреждения, все то, что называется цивилизацией. В каком смысле? Не в том, что Ницше был против цивилизации, против христианства и так далее, а в том смысле, что он болезненно осознал и показал (правда, разгулом неконтролируемых метафор), что это все — на вулкане, все это не имеет смысла, если это лишь потому, что это обычай, потому, что это принято, потому, что это такой ритуал, и так далее. В той мере, в какой это ритуал, привычка, навязанное принуждение (если право, например, — по навязанному принуждению правопорядка, если вера — по навязанному принуждению веры), все это не имеет смысла, если не выросло из силы каждого, из его внутреннего владения этим и неотчуждаемой потребности в этом — так что мира и своей жизни в нем нельзя себе даже представить без ее удовлетворения.

Так вот, многих таких вещей у немцев, как оказалось, не было, и началось... Есть сложные формальные институты демократического представительства, или представительных учреждений, но зачем нам вся эта тягомотина, когда мы —

---

¹ Сковывание всех и вся этим тоненьким слоем (сковывание, называемое «культурой» или «цивилизацией») не имеет смысла.

пять человек вместе, сто или тысяча человек вместе, в так называемом «факельном шествии», — то чего же мы не знаем? Мы объединены в одну эмоцию, эта эмоция так прекрасна, зачем же нам эти сложности? «Один народ, одно государство, один фюрер!» И главное, что такая редукция, которая совершается из-за того, что «невозмогу» оказываются сложные формы социальной жизни, потому что они предполагают мускулы, а у нас их нету, и к тому же бездна соблазнительна, — такая редукция снимает с нас самое тяжелое наше бремя — бремя свободы и ответственности. И мы сигаем, как говорят по-русски, — сигаем в эту блаженную пропасть. Вот сиганули с весьма катастрофическими результатами.

Редуктивные ситуации, которые не нашей волей, не нашей силой ума, не нашим действием произведены (просто поворот событий — и надстроенное редуцировалось, выплеснулись элементарные формы), являются, на мой взгляд, также и привилегированными ситуациями. У врачей есть хорошее выражение «красивый рак», и они говорят «красивый рак», не имея в виду, что болезнь хороша и как хорошо, что она случилась. Они имеют в виду тот счастливый и для ученого всегда привилегированный случай (ученый всегда его ищет), когда данные о каком-то явлении, которые он в обычных случаях должен был бы собирать по крохам в результате кропотливых распутываний, исследования разных вещей, вдруг собираются вместе в их обозримости на каком-то одном явлении, и к тому же каждое из них в этой однообразности представлено в чистом, предельно ясном или типичном виде. И тогда, конечно, медик восклицает в восторге: «какой красивый рак!» Как понимаете, красивый рак может случаться — беда, конечно. Но единственное, что мы можем сделать (беду эту вылечить не можем), — не упустить, увидеть то, что он нам показывает. И в этом смысле это привилегированная точка. Такие редуктивные ситуации привилегированны, потому что из них видно то, что не видно в обычных случаях, например в тех случаях, когда нормально действуют усложняющие механизмы жизни, мускулы, когда мнение и идея вырабатываются не только в человеческой голове, а через приставленную к ней мускулатуру мысли и пространство общественного мнения, гласного обкатывания (катания маленького, жалкого, беспомощного шарика мысли на агоре, и тако-

го катания, при котором этот маленький шар, который как снежинка растворился бы, разрастается в снежный ком, обрастает и становится иногда даже красивой снежной бабой).

В каком смысле эти ситуации являются привилегированными и требующими от нас спешки не упустить их? В том смысле, что как раз там, где чего-то нет, если это пережить и понять, можно увидеть, что в действительности есть и из чего в действительности состоит сложная материя, когда она нормально присутствует. Видно, что она состоит не из слов, не из представлений и не из механизмов, не требующих «меня», а из мускулов, то есть виден факт существования физики, или мускулов, или органов, или стержней, или приставок, и мы понимаем это тогда, когда их нет. Обычно самый сложный социальный процесс превращается в автоматический нормальный ход вещей, и мы уже считаем естественным получать те результаты, которые дает этот ход вещей, и перестаем задумываться о тех внутренних глубинных условиях, которые должны быть, чтобы этот ход вещей вообще был возможен. Демократия может казаться нам само собой разумеющейся, имея в виду демократическое настроение людей. На поверхности остаются мысли, настроения, представления, мы думаем, что демократия существует в силу того, что есть эти представления, или будет существовать, если будут соответствующие представления, что можно уговорить людей быть демократами, социалистами, быть такими или иными и так далее.

Если случилась редукция, мы должны уметь воспользоваться красотой редукции. Толстой говорил: «не умел ценить, не умел пользоваться» (если помните, речь шла о семейной жизни, о достоинствах жены); так вот мы должны уметь ценить и пользоваться. Мы не только бываем в такой редуцированной ситуации и имеем потребность в понимании ее, но, если мы еще и делаем шаг в понимании, то мы начинаем понимать вполне определенные вещи, например тот факт, что социальная материя строится именно так: не из слов, представлений и намерений, не из того, что люди естественным образом могут порождать (потому что естественным образом они могут порождать именно элементарные формы социальной жизни), не из их вовлеченности в механически налаженные структуры и нормы, а из сгущений, уплотнений, высветленных изнутри метафизическим светом, из вещественных

символизаций возможного мира и «тел» движения наших человеческих сил, нашего подлинного опыта, мы начинаем понимать, что вообще работает мускулатура, [начинаем понимать,] как работают органы. Я приводил выражение Маркса «органы воспроизводства нашей жизни», технология нашей жизни. Тогда мы иначе видим место науки, искусства, правопорядка, морали как формализованного механизма и так далее. Короче говоря, если мы сможем использовать редуکتивную ситуацию, то тогда она установит нас в неморализирующем взгляде на общество и историю. Как раз редуکتивные ситуации, где действуют элементарные формы социальной жизни, полны моралистики; как это ни парадоксально, нет ничего более полного моралистики, чем фашистская идеология.

Итак, познание смысла той различительной абстракции, которую я вводил, ставит нас на путь особого, *физического* взгляда на общественные отношения и на историю. И мы начинаем понимать, что дело не в том, чтобы стремиться к тому, чтобы люди были хорошими, а в том, чтобы стремиться к тому, чтобы наладить работу таких механизмов, которые инвариантны относительно той случайности, в силу которой человек оказался хорошим или плохим, добронмеренным или злонамеренным, и которые дают результат, соответствующий облику и задачам цивилизации и, главное, воспроизводящий ее и продолжающий дальше¹.

В этом смысле ясно, что одной из катастрофических идей XX века является идея «нового человека», создание «нового человека» как какого-то лабораторного существа, рождаемого в специальном алхимическом лоне «новых» (нетрадиционных) государственных сообществ. Это и сопряженная с нею идея — идея инженерии человеческих душ. Реальный парадокс истории состоит в том, что дай нам бог породить или породить *просто* человека, того, который замыслен тем назначением, или предназначением, о котором я говорил в самом начале наших бесед. Старый Адам, если понять, кто он такой, харак-

---

¹ Здесь повторить «индивидуальную метафизику»: на себе, изнутри опыт не-бытия. Но это и принципиальная внутренняя возможность гражданского общества. Ответ на спор «Россия или „извне“».

Нужно сначала уничтожить историю, встать вне ее и тогда... Но есть, конечно, и «третьи» характеры, у которых и раньше были такие погусторонности, несуществования — «пробел, зияющий в понимании», «игра природы».

теризуется прежде всего тем, что его еще и нет, что он, вообще-то, есть растянутый во времени (а это растянутое время и есть история человечества в целом) эксперимент стать тем, чем ему предназначено¹. И так будет до конца света. И нет, не существует, невозможно самопроизвольное зарождение.

Мы стали на путь физического мышления, руководствуясь интуицией, что наша жизнь физична в той мере, в какой она действительная жизнь человеческих существ. И как мы теперь понимаем, еще больше оправдывается (в моих глазах, во всяком случае) то общее название нашей темы, которое я условно давал в самом начале, говоря о «физической метафизике», — оправдывается в том смысле, что сейчас мы видим, что то, что я называю физикой, одновременно весьма тесно связано с метафизикой, то есть с невидимым, или сверхопытным, элементом нашей жизни, и что само физическое обнаруживает в себе последствия проделанного (или непроделанного) метафизического варения *в тигле* — варения человеческого элемента, человеческого материала в тигле тех органов, приставок, которые не существуют без метафизического элемента. И во-вторых, мы теперь понимаем особый характер явлений, которые я называл структурами. Я сначала вводил для них другие термины, называл их «Одним как многим», «целостностями», «тавтологиями» и так далее и потом показал, что они имеют характер структур и что мы естественным образом приходим к идее именно структур, потому что в применении к таким многообразиям исключено введение их путем определения (или путем произвольного определения, что одно и то же).

Эти структуры одновременно являются породителями структур, то есть, будучи сами структурами, они структурируют. Я показывал или пытался показывать, что естественный психический элемент, материал нашей жизни не может установиться в человеческих его проявлениях, не установившись предварительно в структурах так, чтобы эти структуры сами могли его порождать и воспроизводить. Вы помните, что предметный и натуральный материал, одинаково означенный словами «вина» и «раскаяние», является разным в зависимости от того, имеется ли в виду вина и раскаяние

---

¹ Нет человека просто без пространства возможного человека.

в применении к натуральным психическим состояниям, в которых люди *пользуются* этим словом, или имеется в виду то их состояние, в каком они, обозначенные этими же словами, проработались через структуру и сцепились с каким-то устойчивым личностным ядром, вводящим человека в другой режим жизни, отличающийся от стихийного, естественного хода событий и его дурной повторяемости, бесконечно множасьей «непрожеванные», неизвлеченные части опыта, — отличающийся, следовательно, от того, что было бы, если бы дело было предоставлено своему стихийному ходу, то есть самой природе в частности.

Это необходимости следующего вида: я могу помыслить (соответственно: «испытать», «почувствовать» и так далее) что-то, лишь *установившись* в мысли (соответственно в «чувстве» и так далее), — что, конечно, содержит невидимую развертку, предполагает онтологию, то есть отношения «совершенства» и «полноты». Это и есть то, что я, другим словом, называю «физикой». Это телесное, вещественное действие, связанное всегда с артефактами или вообще с кентаврическим характером нашего существования. Значит, в каком-то смысле мы рассматриваем структуры не просто как пространственно соотносенные расположения дистинктно выделенных физических тел (какой была бы, например, структура этого стола с различными, наглядно видимыми элементами, разделенными в пространстве относительно друг друга и связанными какими-то соотношениями, минимально отграничивающими предмет в целом), а как не имеющую пространственной наглядности упакованность связей и содержаний различных слоев и уровней предмета, их сцепление, наслаивание и взаимоперекодирование, создающие какую-то глубину, в которой возможны генерации. Под «структурами» имеются в виду генерирующие структуры: они сами должны быть генерированы, но, будучи генерированы, они, в свою очередь, генерируют другое, например генерируют нас в каких-то состояниях. Они как бы резонансом порождают что-то внутри себя. А резонанс предполагает, конечно, множественность, иначе невозможно понять структурный характер генераций (представьте многократное отражение в зеркалах, такое, посредством которого только и становится, или вырисовывается, или кристаллизуется определенность, «что-то»).

Для пояснения сказанного я воспользуюсь примером обыкновеннейшего, несомненного для вас переживания. Таким резонатором по отношению к нам является, например, структура, называемая «языком» (если, конечно, язык брать с *этой* стороны, лингвистикой обычно пренебрегаемой): мы ведь знаем, что при построении в нем какой-то конструкции, имеющей целью сообщение и носящей всегда предметно-знаковый характер (скажем, при составлении фразы, письма), мы не можем нашему другу сообщить, например, нашу боль, переживание словами: «я несчастен». Казалось бы, содержание сообщено значениями этих слов, но в действительности не сообщено — невозможно мне сообщить то, что вы несчастны, тем, что вы скажете: «я очень несчастен» (как если бы то, что вы испытали и хотите сказать, уже существовало в значении слова «несчастен»). Человек, который хочет это сообщить, сам начинает (например, если он пишет письмо) фактически строить — а в зачаточном виде это искусство, художественная литература, стиль — какую-то романическую (то есть обязательно включающую фикции), а в мысли — теоретическую, структуру, соединяющую образы и фразы так, чтобы они своей дифференциальной игрой при акте чтения другими могли воссоздать в них — и тем самым передать им — его состояние¹ (как мы видим, мы уже являемся писателями даже в этой простой попытке; в зачатке это, безусловно, писательство).

А это значит, что мы сами узнаем свое состояние, или вообще *имеем* его, его содержание, облик и контуры, узнаем, что в действительности в нас или с нами происходит (а фактически — то, что это происходит *именно с нами*, и, узнавая это, мы тем самым укореняем себя в бытии, в «неанализируемом»), лишь через эту конструкцию², которую должны начать *делать* и которую сами же строим, начиная с нею (или в ней) резонировать. Наши мысль и слово должны облечься в нее, попасть в генеративную структуру, начав резонировать и многократно отражаться в зеркалах, чтобы потом на нашей стороне они выкристаллизовались в виде *нашей* мысли или состояния — «я думаю то-то и то-то», «чувствую то-то и то-то»

¹ Но я сначала сам должен пережить его в его подлинном виде, то есть сообщить себе, — сообщение другому вторично!

² Под законы которой мы должны себя поставить.

и так далее. Поэтому, наверно, и существует та старая загадочная фраза, которая утверждает, что «вначале было слово». Если, конечно, под «словом» в данном случае понимать то, что я пытался описать, то есть фактически... дело. Тогда оно действительно *начало* (или «семя» в античном смысле слова, как я уже давал понять употреблением термина *«logos spermaticus»*), начало того, что я подумаю, пойму, почувствую, на деле испытаю, смогу осуществить или просто даже «пробыть» в своем желании, требовании, выборе, чувстве долга или идеале. Когда я заменил здесь «слово» другим — «делом», то это вовсе не острота дурного тона. Просто суть здесь такова¹.

¹ («Моментум движения» держит все упаковки структур *в настоящем*, *in co-present*, в со-стоящем.)

Невидимое, непредставимое и *чувственное* измерение. Нам не начальные условия нужны (для закона), а феномены и «тела». Та же работа, но в квадрате, с изменением ранга мысли. Возведение в квадрат необратимой кумуляции дела, сделанного, выбранного, прожитого (и то, что жило, будет жить). (А с другой стороны, как можем, так и живем; можем то, что можем.) Но вернемся к факту, что для менталий нужно...

Таких резонаторов (которые я до этого называл «органами», «артефактами», «третьими вещами» и т. д.) — множество, как мы знаем. (Или, как говорил Пруст, ящиков резонанса (которые агитационной манипуляцией «классов» и «классовой борьбы» берутся как безразличные черные ящики) — у Валери *boîte*, — придумывая в этом виде «искусственную память». На деле «духовные организмы» *versus* иерархичность. Не чистой мыслью — без упаковки в нее «прошлого», «массы движения» наработанного трудом жизни, случившегося так или иначе (вернее, выбранного так или иначе) — проникаем в предмет, а теперь рефлексией отвлекаем (эта рефлексия вторична, первична упаковывающая). Конечно, факт — уже инскрипция, и «под знаком» (космологическим) — и как теперь рефлексия?) И мы с этой стороны подкрепили то, что пытались установить в виде свойства закона, формы закона как таковой, закона, питающегося необратимостью, «превращающего» ее на выходах экспериментального подвеса. (Когда сам факт закона пытались ввести абстракцией.) Все они годятся: не только ведь обыденное выражение и сообщение чувств. Например, закон вообще — он вырезан в наших телах (не только юридический, но и естественный): необходимые отношения, вырастающие из природы вещей. (Рационалии как превращения или обращения необратимости <...>, случайности и неопределенности.)

Но я забегая вперед. Вернемся, для последнего штришка, к связи пред-наличия написания, артикулированной кумуляции дела с выражаемым и со-общаемым (дела, движения как такового, без предданной меры, направления или задачи). (Вернемся к тому, что корчится наше переживание <безъязыкое>...) (Образ и повторение себя.)

(Важно: был ли *факт* (мысль, дающая себя *направлением/путем*) и идеальная неразделимость. Именно этим занялся Кант, обратив внимание

Попробуйте, например, политическую мысль выразить через поэзию. На мой взгляд, это как раз такое выражение политической мысли, политического состояния, которое является нефизичным, то есть беспомощным, безмускульным, потому что поэзия не тот резонатор, посредством которого может выкристаллизоваться политическая мысль или гражданское состояние. Для них это невнятное орудие. Она и политическое сознание не породит (то есть погубит состояние, которое потенциально принадлежит сознанию),

на то, что «вписано разумом по собственному плану» (был ли факт и каков он был?). Поэтому и платоновское «вспоминание» — термин для рекуррентной структуры (если хоть что-то было, то было все). Барьер, горизонт видимости — это оттуда можно приходиться назад.)

Действительно, где пишется «слово» (т. е. закон), а оно уже должно быть написано, чтобы вообще что-то было (как нет ни справедливости, ни несправедливости, так нет ни любви, ни радости, ни горя)? В пространстве закона, представленном коагуляциями и телами различия, мирами различия и их аккордом (только из различительного знания — знание, уже факт бытия есть инскрипция — себя в мире и мира в себе, и этот факт, инскрибированный «под знаком» и т. п., структурно расположен, именно как факт бытия, как факт, что это именно с нами происходит и что мы это различительно знаем, являемся этим). Фантастическая дисимметрия различий из этой фундаментальной двоичности. И именно дело влетело в эту ткань (о которой я говорил). Написан в делах наших и телах. До предела надо было идти. С трансцендирующим усилием. Прийти в движение — без направления (т. е. внутри «чистых явлений» — воли, веры, с искренностью и т. п.). (Без иерархии и последовательности, номенклатуры значений — первосинтез, синтетическое соприкосновение.) Я должен быть для этого... пуст, т. е. свободен. Ведь в двоичности человеческого ума тело, добавляющее плоть к уму, только в «пустоте» может складываться и выполняться и при усилении «чистых явлений». А в «пустоте» — место и метафизического зла. Анархия труда жизни и флуктуации, которые амплифицируются, чтобы порядок возник, чтобы в пустоту вошло откровение (мистически, понятия-вещи), а из последнего (как из матрицы «образа») вышел порядок (ибо порядок — только из порядка, различия — только из различия). (Т. е. из порядка порядка. «Порядок», следовательно, расщеплен на два смысла, как бы дважды: порядок порядка, упорядочивающий хаос (и, следовательно, его предполагающий), и порядок, возникающий из этого самоупорядочивающего движения.)

Для менталий должно быть «слово» (или «путь», «история» сделанного, прожитого — но «под знаком»), дело должно влетаться, а кумуляция дела обеспечивается лишь структурой. А они хотя гольм ментальным актом дотянуться до закона в книге — и бесплодно все, сплошные выкидыши, и кто не жил, не будет жить. Казалось бы, то же самое, одно и то же, но бездейственно, бесплодно — как левая форма какого-либо лекарства (вот где нагоняет нас действительность дела, неминуемо двоичная, дающая энантиоморфные формы в пространстве преобразований). «Так хотел случай».

не даст ему выкристаллизоваться, и сама погибнет под грузом несвойственной ей задачи.

Кстати, попытки через поэзию выразить гражданские идеи, гражданские состояния как раз свойственны редуktivным случаям в истории, когда срезаны сложные формы (например, такой сложной формой является сама сфера политики как таковая). В редуktivных ситуациях, когда выхлестываются и развиваются по всему общественному пространству элементарные формы социальной жизни (в них как раз политически артикулированная сфера срезана), политические состояния, переживания, стремления (они же остаются, не исчезают) начинают канализоваться через поэзию (жив ведь человек!), и тогда мы упираемся в закон, что политическое сознание не проясняется через поэзию. Конечно, мы будем разделять какие-то состояния, потому что масса людей одновременно находится в одном состоянии, мы будем понимать, улавливать разные намеки, аллюзии, подмигивания, любить такую поэзию, радеть совместно, но она гроб для развития политического сознания¹. И часто оказывается гробом со свечами и для самой поэзии. Не ее это дело. Так же я показывал, что не дело философии на плацдарме малюсенького философского ума человека требовать строить государство, общество и так далее. Это не дело интеллектуалов — знать за других, руководить другими и так далее. Дай бог хоть что-то понять, запустив себя в машину резонансов, или резонансных структур.

Установившись в физическом и структурном мышлении, мы теперь можем четче понять тот поворот вообще европейской мысли, продолжателями которого являемся мы сейчас, — поворот, который совершен открытием Маркса (независимо от того, насколько сам Маркс овладел своим открытием и критически — в кантовском смысле — вписал его в человеческую мысль). Мы подходим к фундаментальной проблеме различения между двумя (по меньшей мере двумя) разными категориями социальных явлений и состояний. Приведу пример: известный физик Петр Капица в одной из своих популяризаторских работ о науке употребил

---

¹ Видимость дела, изживание самодостаточное и самодовольное, *acting out*. Опасность изживания и перегорания.

забавное, интересное понятие, которое мне кажется подходящим и для наших задач. Говоря о характере науки, описывая строй науки и как наука относится к обществу, как она развивается, какие у нее бывают этапы и так далее, он говорит, что, кроме самой теории, в науке есть еще особые явления. Он их называет открытием эффекта. Можно построить теорию, и есть масса людей, которые построили теории, но есть еще довольно конечное, то есть довольно ограниченное, число открытий эффектов. В качестве примера он приводит открытие рентгеновского излучения. Теории его еще не было построено, но это открытие в смысле открытия эффекта. Что такое эффект? Это то, что предвидеть в рамках предшествующих теорий или получить посредством простого продолжения предшествующих теорий было нельзя. Это именно открытие эффекта — открытие, которое требует перестройки унаследованной, или предшествующей, теории. То есть, с одной стороны, оно не могло быть получено простым продолжением теории, а когда получено, требует перестройки в самом фундаменте теории. Как вы понимаете, такие открытия бывают в ограниченном числе.

Такого рода эффекты есть и в социальной мысли, есть в философии. Скажем, для меня открытие Платоном того, что он назвал словом «идея», есть открытие эффекта — эффекта действия, или работы, или режима работы человеческого ума и сознания. Таким вторым открытием, возможно, было открытие Кантом, с одной стороны, того, что можно назвать эстезисом (учение Канта о пространстве и времени), а с другой стороны, открытие противоречий разума, получаемых в нем логическим его продолжением (то есть логических противоречий, получаемых логическим продолжением разума в определенной ситуации). Это эффект¹.

Так вот Маркс — открыватель эффекта. Относительно самого эффекта потом строилась теория, менялась предшествующая теория в самом фундаменте. Но мы сейчас отвлекаемся от того, как эта теория строилась в том смысле, что мы сейчас находимся как раз в состоянии попытки теоретически осмыслить сам эффект, который открыл Маркс. А Марксом фактически сделан поворот к «физике» социального

¹ Когитальный эффект, на который обратил внимание Декарт.

мышления, он фактически открыл квазифизический эффект действия, или работы, деятельностных, социальных или человеческих структур¹. Он показал, что вместе с представлениями, намерениями, целями, которыми руководствуются люди, сообразно с которыми они стремятся к чему-то, вступают друг с другом в отношения, обмениваются опытом и идеями, творят что-то и так далее, — параллельно с этим, вместе с этим они одновременно создают или вступают в некоторые *фактические* отношения, обычно скрытые на уровне слов и представлений, — отношения, которые работают физично, которые создают структуры, объективные по отношению к первым, то есть к словам, представлениям, намерениям и так далее, и которые работают, порождая сами свои результаты, не входившие в намерения и цели. И вот впервые в его исторических статьях (я уже не говорю о «Капитале») вырабатывается такой взгляд, что перед лицом каждого словесного построения политической программы, политического движения как бы задается вопрос: а что это значит, а что это на самом деле и что есть независимо от этих слов и представлений, какова на самом деле будет фактическая связь, или фактическая закономерность, на основе которой и развернется человеческое действие, имеющее или дающее тот или иной результат².

Попытки осмысления этого предполагают также и полную перестройку наших представлений о сознании, потому что открытие эффекта вещественного, или физического, действия было одновременно открытием (уже по отношению к сознанию) эффекта идеологии, то есть того, что в нас работает и действует сознание, называемое идеологическим (здесь же и появился новый смысл термина «идеология»). Так как мы сами находимся в процессе осмысления этого эффекта, мы, естественно, не можем в качестве абсолютных принимать те понятия, которые *уже* фигурируют в *теории*, в том числе и в теории Маркса, которая строилась для понимания открытого им же самим эффекта.

---

¹ Я, во всяком случае, так воспринял, и с юности это работает во <...> во взгляде на человеческие дела, на место в них «теорий» и идеалов, идей.

² Эта <...>ность изменила ему в отношении к самому себе; не прибег к резонаторам для своих прекрасных чувств.

Открытие таково, что историческое, социальное, экономическое мышление XX века не может обходиться без того необратимого поворота, который Маркс придал самому взгляду на общественные дела, не может обходиться без результатов проделанной им работы, и она разными путями вливалась в мыслительную культуру XX века. Для того чтобы самому осмыслить открытый им эффект, Маркс ввел понятия «базис», «надстройка», «производственные отношения» и так далее, и совокупность этих понятий дала ему понятие общественных экономических формаций. Это известные нам понятия, и я не буду их излагать уже потому, что к марксизму применим закон, который самим же марксизмом и сформулирован.

Именно Маркс был одним из немногих, который понял, что в теоретическом построении или вообще в идейном построении нужно различать его систематическую форму и, как выражался Маркс, его объективное содержание. Оно может совпадать или не совпадать с этой формой. Насколько я помню, это говорилось Марксом применительно к философской системе Спинозы: одно дело — ее систематическое изложение, а другое — то объективное мыслительное содержание, которое в ней имеется. Ни одно человеческое усилие, в том числе усилие Маркса, не выпадает, не может выпасть из законов человеческих усилий вообще, в том числе из самого же этого закона: в самой теории Маркса различимы объективное мыслительное содержание, которое имеет свои законы жизни, и тот систематический теоретический вид, который сам Маркс придал этому содержанию. Для меня такое убеждение является абсолютным, оно просто вытекает из законов здравого смысла, из законов, диктуемых вообще достоинством человеческой мысли.

Но вернемся к сути дела. Я сказал, что открытие эффекта вещественного, или фактического действия, или того, что Маркс называл *фактическими* общественными отношениями, было и открытием *идеологического* эффекта нашего сознания, то есть того, что сознание человека само по себе не является вполне прозрачной для него областью, что в самом сознании и в его продуктах действуют неявные, фактически скрытые зависимости, которые являются зависимостями, неконтролируемыми путями самого же сознания, самой же

мысли. Это не пути и зависимости вещей, а скрытые и неявные зависимости, или сцепления, самого же сознания. И оно является идеологическим в той мере, в какой оно воображает себя автономным, то есть не имеющим вне себя никакого независимого от него пункта или системы отсчета. Открытие в сознании слоев, которые одновременно являются слоями сознания и в то же время представляют собой по отношению к нему не зависящую от него объективную систему отсчета, составленную из скрытых зависимостей, и должно считаться стороной того открытия, о котором я говорил, и это как открытие само невыводимо из предшествующей теории и не могло быть получено простым ее продолжением.

Предшествующая классическая теория, философия со всеми ее последствиями на уровне культурных навыков нашего классического мышления предполагала предельный характер абстракции самосознания, или сознания, то есть предполагала, что акт сознания действительного положения дел, в том числе самого себя, предельно, то есть максимально возможен, и на этом предделе может быть представлен как общественный акт; что человек может участвовать в каком-то акте сознания, предельным представлением которого является некоторый гипотетический Божественный интеллект, являющийся каким-то вспомогательным в данном случае понятием, позволяющим прояснить способности конечного существа, то есть человеческого существа, и совершенно не зависит и не связан с утверждением о существовании или несуществовании Бога.

Например, Лаплас — это человек, который говорил, что он не нуждается в гипотезе Бога, а с другой стороны, человек, который ярко выразил основу, на которой вообще строилась классическая механика, а именно он выразил эту основу идеей абсолютного наблюдателя, то есть такого, который знал бы все предшествующие состояния точек материи и мог бы проследить все их взаимоотношения и однозначно предсказывать будущие события. Такое допущение в предделе лежит в основе самого обычного классического физического мышления. (Я привожу этот пример для того, чтобы показать, что это никакого отношения к теологическим проблемам не имеет.) Лаплас как физик и математик не нуждался в теологической гипотезе, но существенной в

данном случае является гипотеза, или предположение, или допущение, некоторого абсолютного наблюдателя.

Допущение абсолютного наблюдателя, или возможности предельного осознания, заставляло строить теорию, в том числе философскую теорию, социальную теорию, теорию социального действия, таким образом, что внутри ее никак нельзя получить, увидеть и предсказать эффект действия (или самодействия) вещественных деятельных структур, или идеологический (если брать со стороны сознания) эффект, такой, согласно которому вообще в сознании могут быть неявные и скрытые для сознания зависимости. Поскольку сознание поддается предельному рефлексивному акту самосознания, это по классическим привычкам трактовки сознания недопустимо. И конечно, революционным было открытие идеологического элемента в сознании. Отсюда иначе выступила проблема исторического действия, проблема основных единиц исторического действия, посредством которых мы могли бы мыслить и понимать историческое действие, то есть произведенное им общество, историю и так далее, а мы вообще не можем мыслить научно, не имея единиц, или мер. После этого перелома мышления проблема исторического действия выступила совсем иначе. Перелом этот предполагает, как я пояснял, одновременно перестройку теории, потому что средствами предшествующей теории нельзя понять и учесть тот эффект, который был открыт.

Предшествующая теория исторического действия, основанная на классических предположениях и допущениях, рассматривала любое историческое действие — экономическое действие, моральные поступки и так далее — в категориях и рамках избранной единицы, а такой единицей было понятие рационального действия¹. Структуры и социальные системы, возникшие в наше время, так называемые «буржуазные системы», отличались по признаку «рациональная система» от эпох мифа, от других социальных, общественных, исторических образований, в применении к которым можно было говорить, скажем, как о системах, основанных на магическом действии, и так далее.

---

¹ Это культурный эквивалент философской абстракции, посредством которого она входит в оборот, в обиход.

Скажем, в экономике строилась какая-то рациональная система поведения в предположении, что есть некоторое существо, человек с обозримым набором экономических потребностей, с вытекающими из них социальными требованиями к социальному целому и возможностями получать в нем те или иные результаты. Сама система, в данном случае экономическая, должна быть соотнесена с теми вещными законами, которые формулируются на основе наборов потребностей, способностей и возможностей действия. Этот набор и назывался *Homo economicus*, то есть «экономический человек», так же как есть абстракция «человека мыслящего», который есть выделение единицы, заданной некоторой логической способностью, с требованиями которой должна быть соотнесена система, в которой участвует единица — «мыслящий человек»¹.

Само рациональное действие, как я уже частично говорил вначале, раскладывалось как некоторая непрерывная связь (и тем более рациональная, чем более она непрерывна между целью и средствами, которые используются для ее достижения), связка непрерывного понимания и максимально рационального выбора средства для достижения определенных целей. Цели определены в том смысле, что их можно вывести из предположенного *Homo economicus* и предположенного «человек мыслящий» и так далее, то есть из таких единиц. При этом предполагается, конечно, что само рациональное действие и складывающаяся из массы рациональных действий рациональная система — все это может складываться, происходить, осуществляться стихийно, спонтанно, но тем не менее условием понимания этого считается представление любого действия в его рефлексивном виде. Оно как бы воспроизводит любое деяние, этическое деяние, экономическую акцию на рефлексивном уровне и далее осуществляет его уже в контролируемом и воспроизводимом виде².

¹ «Люди доброй воли».

² Но одно дело, когда $A \rightarrow B$ (сыграли все взаимодействия), другое дело — сознание без этого допущения, продолжающее быть включенным и каждый раз засасываемое в воронку всевязью (это предполагает иное построение длительности и самотождества, автоморфизма «Я»). Воронка как изменение неустранима никакими топологическими преобразованиями (как, например, мы симметриями устраним различия), ибо представляет собой изменение самой топологии, *ontologische Differenz*.

В классике, конечно, не предполагалось, что человек — эмотивное и чувственное существо — действительно рассудочный сухарь, который всегда действует рационально в том смысле, что каждое его действие составляет из цепочек вытекающих один из другого рассудочных актов. Нет, просто считалось, что все, что стихийно происходит, может быть воспроизведено и может повторяться в контролируемом виде, и это рефлексивно контролируемое воспроизведение влияет на человека, на стихийно порождаемые из его чувственного и природного устройства побуждения души. Так что мы просто не должны их упрекать в том, что они слишком рассудочно смотрели на реальные человеческие существа. Этот упрек не «пройдет», они сами это прекрасно знали. Они оперировали абстракциями, и мы должны принимать или оспаривать эти абстракции на их собственных допущениях и предположениях, на законах самих этих абстракций, а не говорить, что они не учли того или этого.

Так же как, скажем, роман или любую работу надо оценивать на ее собственных основаниях, то есть на основаниях того, какая там была задача, а не на внешних основаниях. Поэтому, если человек хотел высказать тоску, ему нельзя сказать, что ты написал плохое произведение, потому что ты не высказал оптимизма, радости жизни, уверенности в будущем и так далее, — это внесение инородных данному произведению условий и оценка на основе того, что не имманентно произведению. Это также относится к мысли, в том числе к классической мысли. Ее нельзя упрекать в том, что она односторонне понимала человека, не учитывала других его сторон и так далее.

Итак, суть классической абстракции в том, что рефлексивное воспроизведение предполагает непрерывность, то есть что на уровне рефлексивного воспроизведения происходит то же, что происходит естественно и стихийно на нереплексивном, спонтанном уровне, и есть некоторая непрерывность между этими двумя уровнями и тем более непрерывность уже внутри самого рационального действия. Критика Маркса пересматривает именно эту абстракцию, идет путем указания на отсутствие такой непрерывности: например, между сознательным мотивом и его несознаваемым объектом, или порождающей структурой (если мы допустили и идеологический

эффект), нет непрерывности. Тем самым открытие идеологического эффекта было оживлением, или внесением заново в наше социальное мышление, идеи дискретности и тем самым необходимости перестроить понятие непрерывности, которым пользовалась классическая мысль в описании любых явлений в нашем мире и в человеке.

ЛЕКЦИЯ 6

Мы остановились на рассмотрении того факта, что, в отличие от допустимых — по классическим правилам — рефлексивных процедур самосознания агента исторического и социального действия, мы эти правила расширяем и присоединяем к нашему рефлексивному артефакту и существование целой «физики» социальной жизни, усилие нашего действия, совершаемого вместе и через те мускулы, которые предоставлены нам искусственно выработанными, «исторически» возникшими органами¹. Таким органом является формализованное право, таким органом является совесть, таким органом является колесо, то есть я произвольно беру предметы как технические, так и духовные, поскольку с точки зрения той проблемы, которой мы занимаемся, между ними нет принципиального различия. В этом смысле в системе нашего рассуждения недопустимо различие между материальной и духовной культурой. И то и другое — культура в смысле органики социальной жизни. Если мы допустили эту органику социальной жизни, то мы предполагаем, что нечто совершается через систему скрытых и неявных зависимостей² и не является предметом произвольной конструкции и изменения со стороны действующего субъекта. Если это так, то мы накладываем значительные ограничения на саму способность самосознания, на способность субъекта доводить до предельного сознания свои мотивы, интересы, свое положение и впредь — на рефлексив-

---

¹ «Исторические тела» (из которых неустраним метафизический элемент). Нужно их видеть в органах — праве и т. д.

² Независимых от субъективных усилий исследователя.